

АЛГОРИТМ СУДНОГО ДНЯ

Иулиана Ольшаника

Алгоритм судного дня

«Автор»

2026

Ольшаника И.

Алгоритм судного дня / И. Ольшаника — «Автор», 2026

Мир распадается на глазах — без взрывов и огня, просто переставая существовать. Мика приходит в себя на разрушенной эстакаде с полной потерей памяти. Единственная зацепка — странные татуировки на руках, в которых зашифрован код, способный остановить техногенную аномалию. Вместе с бывшей коллегой Таллулой он пробивается сквозь зону стирания к подземному реактору, где от него требуется активировать протокол, который либо спасет мир, либо уничтожит его навсегда. Но за ним охотятся механические модификации во главе с Джошуа, одержимым идеей контролировать «квантовый предохранитель». Мике приходится не только выживать, но и заново собирать себя, чтобы принять финальное решение — ценой собственной личности.

© Ольшаника И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Пробуждение среди безмолвного распада	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Иулиана Олышаника

Алгоритм судного дня

Глава 1: Пробуждение среди безмолвного распада

Сознание вернулось вспышкой — не светом, а болью. Мика лежал лицом в шербатый бетон, и запах озона смешивался с чем-то металлическим, горячим. Он попытался вдохнуть и понял, что воздух слишком сухой, слишком неподвижный. Тишина давила на барабанные перепонки, как вакуум.

Он открыл глаза. Мир распадался.

Метрах в пятидесяти от него кусок эстакады исчез без звука. Просто перестал быть. Арматура, бетонная крошка, дорожное покрытие — всё схлопнулось в ничто, не оставив после себя ни пыли, ни треска. Пустота. Аккуратная, идеальная пустота, словно кто-то вырезал реальность ножницами.

Мика сел рывком. Кровь стучала в висках, но мозг не предлагал объяснений. Ни имени. Ни лица. Ни даты. Только голое ощущение тела — цел, дышит, работает. И тишина, от которой закладывало уши.

Он посмотрел вниз. Эстакада уходила в город, но города больше не было. Справа от него когда-то стоял жилой квартал — он знал это не памятью, а формой пустоты, оставшейся после зданий. Теперь на месте домов зияли провалы, края которых обрывались идеально ровно, будто по линейке. Ни дыма, ни огня. Только серое небо и отсутствие.

Рядом с его левой рукой лежал осколок зеркала. Мика поднял его. В отражении он увидел мужчину с жёсткими чертами лица, глубокой ссадиной на скуле и глазами, которые смотрели так, будто уже видели всё. Он не узнал себя. Это было странное, тошнотворное чувство — смотреть на собственное лицо как на портрет незнакомца.

Он опустил осколок и заметил рукава. Тёмная ткань была разорвана, и под ней, на коже предплечий, проступали линии. Татуировки. Символы, похожие на сплетение шестерёнок и молний, покрывали руки от запястий до локтей. Некоторые были старыми, с поблёкшими краями, другие — свежими, с воспалённой кожей вокруг чернил. Он не помнил, как они появились. Он не помнил, что они означают. Но пальцы сами потянулись к ним, словно тело знало то, что разум стёр.

Где-то вдалеке раздался звук. Не взрыв — скорее, хруст, идущий снизу, из того, что осталось от дороги. Мика встал. Ноги слушались, хотя колено ныло. Он инстинктивно пригнулся, уходя с открытого пространства, и спрятался за остатками бетонного ограждения. Тело двигалось быстрее мысли, подчиняясь навыкам, которые память не могла объяснить.

Он выглянул из-за укрытия. По эстакаде, шатаясь, шёл человек. Вернее, то, что от него осталось. Одна половина тела исчезла — плечо, рука, часть грудной клетки — но он всё ещё переставлял ноги, не понимая, что мёртв. Глаза человека были открыты, рот беззвучно открывался и закрывался. Он прошёл ещё три шага и рухнул. Тишина поглотила его падение.

Мика отвёл взгляд. Внутри ничего не дрогнуло — ни ужаса, ни жалости. Только холодный расчёт: двигаться. Найти укрытие. Оценить угрозу. Инстинкты работали безупречно, и это пугало больше, чем исчезающий город.

Он осмотрел эстакаду. Впереди, метрах в двухстах, виднелся пролом — мост обрывался, уходя в пустоту. Сзади дорога была цела, но по ней уже стелилась странная рябь, словно воздух закипал невидимым жаром. Мика знал: туда нельзя. Не знал, откуда знает, но тело уже развернулось к единственному возможному пути — вниз, по металлической лестнице, ведущей на уровень земли.

Он ступил на первую перекладину. Металл закрипел, но выдержал. Вокруг не было ни одной живой души. Только бетон, тишина и медленно растущее в груди чувство, что он потерял что-то важное. Не память. Что-то глубже.

На уровне земли его встретил мёртвый перекрёсток. Автомобили стояли брошенными скелетами — некоторые были целы, другие наполовину стёрты. На асфальте лежал рюкзак. Мика поднял его. Внутри оказалась пустая фляга, нож в потёртых ножнах и сложенная карта, на которой кто-то красным маркером обвёл круг. Он не знал, что это за место, но пальцы сжали карту с той же уверенностью, с какой тело сжималось в предчувствии удара.

Где-то за спиной, в сердце рушащегося города, раздался новый звук. На этот раз его он узнал: шаги. Множество шагов, быстрых и ритмичных, приближающихся с военной точностью.

Мика не стал ждать. Он побежал, и тишина бежала вместе с ним. Он бежал, не зная направления. Ноги сами выносили его на открытое пространство — широкий проспект, заставленный брошенными машинами. Воздух здесь был другим. Густым. Он оседал на коже липкой плёнкой.

Мика остановился. Прислушался.

Шаги позади стихли. Но тишина, которая наступила, была хуже. Она не была пустой. Она ждала.

Он повернулся к перекрёстку.

Это началось без предупреждения. Просто в тридцати метрах слева «Тойота» перестала существовать. Не взорвалась. Не смялась. Она стала пустотой — ровный овал на том месте, где только что стоял автомобиль. Края среза были идеальными. Ни искры. Ни дыма. Ни звука.

Мика замер. Лёгкие отказались впускать воздух.

Следующая машина — грузовой фургон — исчезла так же тихо. Потом ещё одна. Волна шла по проспекту ровной линией, как нож по холсту. Она не уничтожала. Она вычитала. Вырезала куски реальности и не оставляла следов.

Люди начали выбегать из подворотен.

Женщина в разорванном пальто выскочила из-за припаркованного седана, увидела волну и открыла рот. Крик не успел родиться. Волна коснулась её — и женщины не стало. Только пустота, там, где секунду назад билось сердце.

Мика отступил. Спина упёрлась в бетонный столб.

Волна не замедлялась. Она пожирала проспект с хирургической аккуратностью. Автомобили исчезали целыми рядами. Светофор — стойка, коробка, лампы — схлопнулся в ничто, оставив ровную дыру в асфальте.

Мимо пробежал мужчина. Он тащил за руку ребёнка — девочку лет семи. Девочка споткнулась, упала. Мужчина дёрнул, поднимая её на ноги, и они побежали дальше. Через три шага волна догнала их. Они исчезли вместе, и детская ладонь так и осталась сжатой в пустоте, не успев разжаться.

Где-то справа заорала сирена. Коротко. Обрывком. Потом стихла.

Мика смотрел на приближающуюся линию. Она двигалась медленно, плавно, как прилив. Ничто не могло её остановить. Стены домов исчезали секциями, оставляя идеальные арки пустоты. Внутри этих арок было ничего — не чёрное, не белое, а полное отсутствие цвета и формы.

Он должен был бежать. Инстинкт кричал. Ноги не слушались.

Рядом с ним из подъезда вывалился парень в камуфляжной куртке. Он увидел волну, дёрнулся назад, споткнулся о бордюр и сел на асфальт. Парень смотрел на приближающуюся пустоту и молчал. Глаза у него были пустые — стеклянные, сдавшиеся раньше, чем волна успела коснуться.

Мика схватил его за воротник и рванул вбок.

Тело парня было лёгким, почти невесомым. Они врезались в стену киоска, и Мика вдавил его в бетон, сжимая зубы. Волна прошла в метре от их ног, слизнув урну, скамейку и половину газетного ларька.

Там, где только что стоял киоск, теперь зияла пустота. Края — идеально ровные, словно вырезанные скальпелем. Мика смотрел на них и чувствовал, как под ложечкой разрастается холод.

Парень задышал. Рвано. Хрипло.

— Что это? — выдавил он. Голос срывался. — Что, мать твою, это?

Мика не ответил. Он встал, оглядывая проспект. Волна прошла дальше, оставив за собой коридор абсолютной пустоты. С обеих сторон этого коридора ещё стояли здания — но теперь они напоминали декорации, разрезанные пополам. Внутри комнат виднелась мебель, обои, картины. Срез проходил прямо по дивану, по кровати, по телевизору, который всё ещё показывал картинку на своей уцелевшей половине.

Тишина вернулась. Она была плотной, маслянистой.

Парень поднялся на ноги. Руки у него дрожали. Он посмотрел на Мику, и в его взгляде проступило что-то — не благодарность, а липкая, животная зависимость.

— Ты знаешь, что делать, да? Ты выглядишь так, будто знаешь.

Мика посмотрел на свои руки. Под разорванной тканью проступали татуировки. Он не знал, что они значат. Он не знал, кто он. Но парень смотрел на него с надеждой, и эта надежда была тяжелее, чем бетон под ногами.

Где-то на востоке города тишина снова дрогнула. Новый звук — низкий, нарастающий. Не шаги. Не голоса. Гул, идущий из-под земли, будто сама планета переваривала то, что проглотила.

Парень дёрнулся.

— Надо уходить. Надо бежать, слышишь?

Мика кивнул. Тело уже повернулось в сторону, где гул был тише, где ещё оставались целые здания и асфальт под ногами.

Но прежде чем он сделал шаг, в небе что-то щёлкнуло. Звук — короткий, сухой, как ломающаяся кость. Мика поднял голову. Облака над городом начали сворачиваться в спираль. Медленно. Неумолимо. Словно кто-то закручивал небо, сливая его в воронку.

И тогда пошёл дождь.

Первая капля упала на щеку Мики. Она была тёплой. Маслянистой. И оставляла на коже след, который щипал, как кислота.

Капля скатилась по щеке, оставляя мокрый жгучий след. Мика стёр её тыльной стороной ладони. Кожа покраснела. Зудела.

Парень рядом зашипел, когда вторая капля упала ему на шею.

— Горит, сука... — прохрипел он, вжимая голову в плечи.

Дождь усиливался. Капли падали чаще, тяжелее. Они долбили асфальт, оставляя мелкие кратеры, из которых поднимался пар. Воздух стал горьким — пахло озоном и чем-то металлическим, как свежий разрез на меди.

Мика поднял воротник куртки, натянул его на лицо. Ткань мгновенно промокла, и кислота начала есть материал. Он чувствовал, как тепло расплзается по плечам — химическое, не живое.

Гул под землёй не стихал. Он нарастал, переходя в низкую вибрацию, которая отдавалась в зубах и затылке.

— Надо в укрытие, — сказал парень. Голос срывался. — Надо куда-то, где есть крыша.

Мика кивнул. Он уже выбирал направление — туда, где над проспектом нависал бетонный козырёк недостроенной парковки. Там было сухо. Там можно было переждать.

Они двинулись. Парень шёл впереди, то и дело оглядываясь. Дождь хлестал по спине, прожигал куртку, и Мика чувствовал, как голая кожа начинает гореть в тех местах, где ткань уже истлела.

До козырька оставалось двадцать метров.

Парень добрался первым. Он нырнул под бетон, отряхнулся, как собака, и засмеялся — нервно, без причины.

— Нормально. Нормально, блядь. Мы живы.

Мика шагнул под козырёк следом. Капли перестали бить по голове. Тишина под бетоном была гуще, чем под открытым небом. Он слышал только своё дыхание и стук собственного пульса в висках.

Парень прислонился к стене, сполз вниз и сел на корточки.

— Что это, а? Что это за хрень? Дождь кислотный. Люди исчезают... Я думал, я умер. Я думал, это конец света.

Мика молчал.

Он смотрел на проспект сквозь пелену дождя. Воронка в небе становилась шире. Облака кружились медленно, как масло в воде, и от этого кружения у Мики начинало тошнить.

Парень заговорил снова.

— Ты вообще соображаешь? Ты как будто не здесь. Ты видишь что-то? Слышишь?

Мика повернулся к нему. Взгляд парня был лихорадочным, зрачки расширены. Он искал ответы. Искал опору.

— Я ничего не помню, — сказал Мика. Голос прозвучал сухо, чужим. — Я проснулся на мосту. И всё.

Парень открыл рот, чтобы ответить, но звук, который вырвался из его горла, был не словами.

Это был хрип.

Мика увидел, как из груди парня выходит что-то — тонкое, блестящее, металлическое. Оно вошло между рёбер сзади и вышло спереди, разрывая ткань куртки, кожу, мышцы. Остриё было влажным. Красным.

Парень посмотрел вниз. Посмотрел на сталь, торчащую из собственной груди. Его губы шевельнулись без звука.

Лезвие ушло назад так же быстро, как появилось. Парень рухнул лицом в бетон. Тело дёрнулось раз, другой — и затихло.

Мика не успел среагировать. Тело работало на инстинктах, но инстинкты молчали — он не знал, какое оружие носить, как стоять, куда смотреть.

Он смотрел на труп.

Из темноты под парковкой выступили трое.

Они двигались бесшумно. Не было шороха подошв, не было дыхания. Они просто появились на границе света и тени, как будто материализовались из воздуха.

Формы были человеческими. Примерно. Но пропорции сбивали с толку. Слишком широкие плечи. Слишком длинные руки. Суставы — неестественно гладкие, без выступающих костяшек. Глаза — тёмные стёкла, без зрачков, без белков. Лица — гладкие, стянутые, как воск, который не успели долепить.

На них не было формы. Только чёрная облегающая ткань, которая сливалась с кожей на стыках, и на поясах — короткие широкие клинки, всё ещё влажные от крови парня.

Средний поднял руку. Ладонь — без линий, без пальцевых отпечатков, гладкая, как резина. Он указал на Мику.

Жест был точным. Без лишнего движения.

Мика попятился. Спина упёрлась в бетонный столб. Справа — стена. Слева — дождь и пустота.

— Вы кто? — выдавил он.

Тишина.

Левый охотник шагнул вперёд. Движение было текучим, лишённым пауз — как у насекомого, которое не тратит время на баланс. Он вытянул руку, и в его ладони бесшумно выдвинулось лезвие — из запястья, из плоти, из сустава. Кость, ставшая сталью.

Мика дёрнулся в сторону.

Лезвие вонзилось в бетон там, где только что была его шея. Щебень брызнул в лицо. Охотник выдернул клинок и повернулся — плавно, без усилия, без злости.

Они не говорили. Они не дышали. Они просто выполняли алгоритм.

Мика откатился вбок, вскочил на ноги. В руку что-то упёрлось — обломок арматуры, торчащий из разбитого бордюра. Он схватил его. Металл был холодным, шершавым, настоящим.

Первый охотник уже заносил клинок для нового удара.

Мика встретил удар арматурой. Звон — сухой, резкий. Искры брызнули из места соприкосновения.

Охотник не отшатнулся. Давление на блок было чудовищным — нечеловеческим, механическим. Мика чувствовал, как ноги скользят по мокрому бетону.

Второй охотник зашёл справа. Третий — сзади. Они окружали его без спешки, без команд, как будто это было единственное движение, которое они знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.